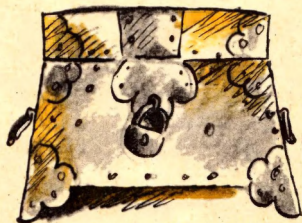

Вильям Козлов

ИДОЛ ИЗ СТАРОГО СУНДУКА

Вильям Козлов

ИДОЛ ИЗ СТАРОГО СУНДУКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ ЛЕНИНГРАД 1966

Р 2 ж.а.
К 59

Рисунки Е. Александровой

От автора

Есть в одном селе большой старый дом. Ему, наверное, лет сто. Этот дом построил мой дед в глухом лесу, на разъезде. А сейчас здесь железнодорожная станция, и сосновый лес далеко отступил от села, первым поселенцем которого был мой дед — путевой обходчик.

Наш старый дом совсем было разрушился, но мой дядя, который родился в этом доме, отремонтировал его. И в доме каждое лето стало жить много людей. Больших и маленьких.

Самым замечательным местом в доме был чердак. Пыльный и таинственный. Когда я был маленький, мне нравилось туда забираться и рыться в старых, никому не нужных вещах, которые почему-то не выбрасывают, а всегда складывают на чердаки.

Мой дед как-то сказал мне, что на чердаке живёт маленький волшебный человечек, который может творить чудеса. Нужно только найти его, — человечек не любит показываться на глаза. . .

Я поверил деду и стал искать человечка. Я перебирал самые разнообразные вещи, рылся в книгах, в старой обуви, даже заглянул вовнутрь странного ящика, который назывался граммофоном. . . Но человечка нигде не было.

— Где же человечек? — спросил я деда, когда перерыл чердак снизу доверху.

— Когда я построил дом, он поселился на чердаке, — сказал дед. — Может быть, он умер?

Как же может умереть волшебный человечек?

Я задал этот же вопрос своему дяде. Он сказал мне, что давно-давно тоже искал этого волшебного человечка, но так и не нашёл. Может быть, человечек переселился на другой чердак? . .

Прошло много-много лет. И совсем недавно я увидел на чердаке своего маленького сына. Он сидел в большом старом сундуке и что-то искал. Я спросил его:

— Ты ищешь волшебного человечка?

Сын очень удивился. Он был весь в пыли, на носу паутина.

— Откуда ты знаешь?

— Ищи, — сказал я. — Может быть, тебе повезёт. . .

Мой сын станет большим и, возможно, когда-нибудь обнаружит на чердаке своего сына, который тоже будет что-то искать. . .

И я подумал: на свете так много старых домов, а, как известно, домов не бывает без чердаков, а чердаков — без старых вещей. . . И все дети обязательно будут искать там своих волшебных человечков. . .

Я подумал. . . и написал эту маленькую повесть.

1. ШУТКИ ЛЁХИ СВИСТУНОВА

Человек всю жизнь прожил в большом городе. И вот он приехал в деревню к своей родной бабушке на всё лето. Что такой человек делает?

Сначала ходит по деревне и всему удивляется: курицы вместе с воробьями и голубями разгуливают по улице, лошадь самостоятельно шагает вдоль дощатого забора, над крышей коричневый ястреб кружится. Попробуй увидь такое в городе.

Постепенно человек ко всему привыкает и уже больше не удивляется таким пустякам. Бывает даже, человек вообще ни на что не смотрит. Всё ему надоело. В таком случае хорошо смотреть на небо. Это дело никогда не надоест. . .

За этим великолепным занятием и застал Лёха Свистун Тима, того самого человека, который почти три месяца назад приехал из большого города в эту деревню.

Лежит себе Тим на спине и смотрит на небо. Нико-

му он не мешает. По небу ползут облака. Они напоминают белых медведей, белых моржей и белых верблюдов. А одно облако — белая бабушка в высокой полковничьей папаше. Тим даже улыбнулся: бабушка — полковник! Но вот папаша свалилась с бабушкиной головы, нос отскочил в сторону, подбородок вытянулся, и облако стало похоже на ковшик, которым здесь черпают хлебный квас из кадки.

Не такой Лёха Свистун человек, чтобы мимо Тима пройти, который ещё к тому же его не видит. Когда человек на небо смотрит, он вообще ничего не видит. И соображает плохо, так как о чём-то постороннем думает. Такого человека очень хорошо можно напугать. А Лёха на эти штуки большой мастер. . .

Тим смотрит на облако и думает: «На кого же оно сейчас похоже? На белого страуса или на белого осла?» И вдруг что-то шлёпается Тиму прямо на лицо. Что-то мерзкое, и липкое, и холодное. Вскочил Тим на ноги, глаза широко распахнул и увидел лягушку. И ещё увидел Лёху. Лягушка куда-то ускакала, а Лёха раскрыл свой широкий рот, присел на корточки и хохочет как умалишённый. Ещё так хохочут страшные злодеи по радио в передачах для дошкольников.

— Гляди, лопнешь, — сказал Тим. Ему-то совсем не смешно.

— Ой, помру. . . — трясся Лёха. — Чуть живую лягуху не проглотил. . .

Хорошо бы сейчас этому Лёхе кулаком двинуть по толстой хохочущей роже. . . Только не сделает этого Тим, — не потому, что боится, а потому, что Свистун старше Тима, выше ростом и сильнее. Не сладить никак

с ним. Тим уже раз попробовал, так Лёха взгромоздился ему на спину и давай тыкать носом в траву и ещё приговаривает: «Ешь землю, ешь землю!»

Нахохотался Лёха Свистун досыта, до слёз. А потом подошёл к Тиму и говорит:

— А ты, Тимоха, не серчай. . . Этих самых лягух в других странах едят за милую душу. . . Знаешь, какие деньги за них платят?

Этого Тим не знал. А потому он не поверил Лёхе. Ему соврать — что чихнуть, ничего не стоит. У него и фамилия подходящая — Свистунов. Однажды рассказал он, как с медведем повстречался в лесу. Лёха, конечно, не растерялся да как заорёт на Топтыгина, как ногами застучит, будто тот самый крокодил, что с Тотошой и Кокошей по аллее проходил. Медведь со страху на сосну забрался и давай оттуда в Лёху шишками бросаться.

Одну Свистун даже с собой прихватил, ребятам нока-зывал.

— Не веришь? — спрашивал он. — Понюхай; говорят, медведем пахнет...

Никто нюхать не стал. А Тим сдуру решил понюхать. Тут Лёха как поддаст шишку снизу, Тим три дня ходил с распухшим носом.

— У меня есть идея, — сказал Свистун. — Давай наловим целый ящик лягушек и пошлём в какую-нибудь страну, где их жрут почём зря... Столько деньжищ огребём!

— Огребай, — сказал Тим.

Лёха, видя, что он уходит, закричал:

— Эй, погоди!

Тим остановился, хотя и не ожидал услышать от Лёхи ничего путного. Понизив голос, Свистун сказал:

— У твоей бабки на чердаке есть сундук...

— Знаю, — сказал Тим. Этот огромный сундук действительно стоял на чердаке у самого окошка. На нём большой ржавый замок. А ключа, бабушка сказала, вообще нет. Потерян навсегда ключ.

— А ты знаешь, что в нём? — спросил Лёха.

Этого Тим не знал. Бабушка не разрешала и близко подходить к сундуку. Даже не велела на чердак забираться.

— Там припрятаны древние сокровища, — сказал Свистун. — Твой дед привёз их с края земли...

— А замок? — спросил Тим.

— Люди говорят, ключ деду в гроб положили... Так он велел.

— Ну тебя, — сказал Тим. Уж если и есть сокро-

вища, то он в жизни не стал бы делиться с Лёхой. За что, спрашивается? За лягушку?

— Бывай здоров, — сказал Леха и протянул руку. Тим удивился — что это он такой вежливый? — но руку пожал и тут же подскочил на месте: в палец ужалила пчела.

— Ой, умру! — захохотал Лёха. Он даже от удовольствия хлопал себя по ляжкам.

— Гад ты, — сказал Тим и, засунув в рот палец, побежал домой. Слёзы текли по его щекам. Не так от боли, как от обиды.

2. ЕЛОВАЯ ШИШКА — МИРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Хватит, больше терпеть такое безобразие нельзя. Тим поклялся отомстить Лёхе. Это разве человек, от которого каждую минуту можно ожидать какую-нибудь пакость? Без пакостей Свистун просто жить не может. Это он, Лёха Свистунов, как-то на речке нырнул и, незаметно подплыв под водой к Витьке Мухину, схватил его за ноги и утанул на дно. Витька потом полчаса кашлял и чихал. И из носа и рта у него вода как из фонтана брызгала. Он думал, что это сом утанул его в омут. А потом, Мухин плавать не умеет.

Тим решил, что нужно потолковать с Витькой. Подходящий для этого человек. Он тоже не один раз пострадал от Лёхи. Даже не сосчитаешь, сколько раз. Ему Свистун на речке штаны намочил и завязал морским узлом. Без штанов человеку пришлось домой идти.

Витя Мухин сидел на крыльце и ел хлеб, намазанный маслом. С аппетитом ел. Был Витя в коротких штанах и майке. Голова у Мухина вытянутая, красные волосы на макушке топорщатся в разные стороны. Лицо всё в веснушках. Витю прозвали Еловой Шишкой. С лёгкой руки Свистуна, конечно. Тим и Мухин — оба перешли в четвёртый класс. А Лёха — в пятый.

Пока Тим рассказывал про Свистуновы шутки, Еловая Шишка съел бутерброд, стряхнул крошки с колен.

— Убить его мало, — сказал он.

— Вдвоём мы с ним справимся, — сказал Тим.

— Вдвоём? — переспросил Еловая Шишка.

— Ты и я, — сказал Тим.

— Я? — спросил Мухин.

— Век будет помнить, — сказал Тим.

Еловая Шишка почесал макушку и стал задумчиво смотреть на дощатый забор, на котором висели домо-тканые половики.

— Отлупим? — спросил Тим.

— Нельзя мне драться, — всё обдумав, ответил Еловая Шишка. — Я Первого мая нёс на палочке голубя мира. Я против войны. Я за мир.

— Вот он тебе змею за пазуху засунет, — сказал Тим, — тогда запоешь.

— Змею?

— Или ежа. . . Думаешь, лучше?

— У нас был ёж. . . — стал рассказывать Витька. — Батя в лесу нашёл. Он ночью знаешь как топочет?

— Я пошёл, — сказал Тим.

3. БАБУШКА И ВНУК

Бабушка кормила на дворе кур, когда пришёл Тим. Вид у него был расстроенный, палец во рту. Это ещё что за штучки? Уже не маленький, чтобы палец во рту держать или, скажем, в носу ковыряться...

— Руку-то не съешь, — сказала бабушка, — ещё пригодится.

Тим вытащил палец изо рта, хмуро посмотрел на бабушку. Она в платке, вязаной кофте и длинной чёрной юбке. Нос у бабушки толстый, губы поджаты. Она берёт из мешочка коричневыми костлявыми пальцами зерно и бросает белым курицам. Одна из них взлетела бабушке на плечо и оттуда заглядывает круглым глазом в мешочек.

— А это правда, у нас в сундуке спрятаны сокровища? — спросил Тим.

— Сокровища? — удивилась бабушка. — Поглядеть бы на них.

— Давай откроем сундук?

— Я тебе открою, — сказала бабушка. — Ишь, какой нашёлся открывальщик... Не тобой сундук заперт, не тебе его и открывать...

— Всё равно ключа-то нет, — сказал Тим.

— На кого ты похож? — вдруг напустилась бабушка. — Глаза бы мои на тебя не смотрели... В печную трубу никак забрался?

— Чего мне там делать? — спросил Тим. — В трубе?

— Иди сейчас же умываться... Ох, уж эти внуки!

На самом деле бабушка любила своих внуков.

А Тима больше всех. С ним не соскучишься: то в глубокий колодец заберётся — клад искать, то с крыши мыльные пузыри пускает, целый кусок туалетного мыла извёл; то с приятелями ракету строит, на Луну им, видишь, надо лететь... А теперь вот про сундук толкует. Лучше будет, если ему от этого сундука подальше держаться...

Где же он? Бабушка смахнула с плеча удивлённую курицу, которая всё пыталась засунуть свою голову в мешочек, и пошла в избу, но и там внука не было. Неужто всё-таки на чердаке?

— Куда тебя опять понесло? — громко сказала она. Тишина.

— Кому говорю, спускайся вниз! Молчание.

Бабушка хотела отправиться за внуком, но вспомнила, что лестница на чердак слишком уж крутая, а у неё старое, больное сердце. И потом, разве найдёшь там его, разбойника?

Бабушка вспомнила, что Тима надо бы подстричь. В парикмахерскую не хочет идти, одичал тут в деревне. Придётся ножницами обкорнать ему сзади золотистую косичку, которая на воротник налезает.

Наверху загрохотало. Бабушка рассердилась: придётся лезть за этим неслухом на чердак. Но тут ещё сильнее грохнуло. Бабушка взглянула на окно: на улице потемнело, ветер поднял тучу пыли. Деревья в саду качались, в форточку, словно испугавшись, влетел красный кленовый лист и упал на подоконник. Сверкнула голубоватая молния, и немного погодя совсем близко раздался громовой раскат.

Бабушка накрыла зеркало полотенцем, на медный начищенный самовар накинула свой передник. На миг стало тихо-тихо, и она услышала, как на стене тикают ходики. Хитрая кошачья морда с бегающими глазами как будто усмехнулась.

Клён шумел и раскачивался. Жёлтые и красные листья срывались с ветвей и улетали в небо. Бабушка усе-лась на табуретку и стала смотреть, как на деревню на-двигается гроза. Сколько на своём долгом веку она пови-дала гроз, но даже ей, старой, смотреть на чёрную тучу и блистающие молнии было совсем не безразлично,

4. ШОРОХИ И ТЕНИ

Тим слышал, как позвала его бабушка, но он, ко-нечно, не откликнулся. Тим знал, что бабушка скажет. Она скажет вот что: «Я тебе сто раз го-ворила, не забирайся на чердак. Тебе там абсо-лютно делать нечего. Ты опять меня не послушался? Иди встань в угол и стой, пока я не перестану сердить-ся». Конечно, бабушка долго сердиться не умеет, но кому охота стоять в углу? Хотел бы Тим посмотреть на такого дурака. То ли дело сидеть на чердаке! Здесь тихо и та-инственно. Пахнет старыми вещами и печной сажей. А когда дует ветер, то обмазанный глиной дымоход про-тяжно гудит и наверху что-то глухо стучает. Ветер за-бирается и на чердак. Раскачивает толстые верёвки, шур-шит жёлтой бумагой в углах.

Из круглого чердачного окошка видны лес, белая песчаная дорога и речка. Совсем недавно лес был зелё-

ный, а теперь стоит красно-жёлтый. На лесных полянках валяются большие и маленькие листья. Под ними прячутся белые грибы.

С утра до вечера полощутся в речке утки. А ребята давно уже не купаются. Бегают в лес за грибами. Тим тоже любит собирать грибы. Только они почему-то редко на глаза попадают. Другие целые корзинки наломают, а Тим штук пять — шесть найдёт, не больше.

Тим видит, как бегут из-за леса торопливые облака. На них неинтересно смотреть. Они ни на кого не похожи. Разве что на серые разодранные в клочья наволочки от подушек. Небо над макушками деревьев на глазах темнеет. Блистают далёкие молнии. И на чердаке становится темно. В дымоходе протяжно охнуло и загудело. Шуршит, щёлкает на крыше дранка.

Тим отходит от окна. На чердаке стало темно и тревожно. Что-то серое, лохматое шевелится у печной трубы. Кто это? Тим таращит в сумрак большие глаза. Он уже рад бы спуститься вниз, к бабушке, но тогда нужно пройти мимо этого. . . лохматого.

Тим щёлкает себя пальцем по лбу и улыбается: как же это он забыл? Ведь там на верёвке висит вывернутый наизнанку овчинный полушубок... Но тогда почему он шевелится? Может быть, туда кто-нибудь забрался?

Где-то близко гроыхнуло. Немного погода зеленоватая вспышка осветила чердак. Прямо перед глазами возник сундук. Он вдруг показался Тиму огромным, почти с мучной ларь, который стоит у бабушки в кладовке. Замок на сундуке — с почтовый ящик. Молния погасла, а сундук всё так же освещён зеленоватым светом.

Тим во все глаза смотрит на сундук. Ему и страшно и удивительно.

На улице гремит гром, сверкают молнии. Зашумела, залопотала крыша. Это хлынул ливень.

Тиму хочется посмотреть в окно, но он никак не может отвести взгляд от огромного замка. Ему показалось, что тяжёлый замок покачнулся. . . Какой-то тягучий раздался скрип, будто колодезный ворот провернулся. . . Что это?!

Замок сам по себе медленно раскрыл свою стальную пасть. . .

5. СТАРЫЙ ДЕДУШКИН СУНДУК

тот старый сундук стоял на чердаке много лет. Он принадлежал дедушке — знаменитому путешественнику, объездившему и исходившему всю землю вдоль и поперёк.

Много-много лет назад дедушка в последний раз ушёл из дому и больше не вернулся. Он добрался до Памира, и там в горах поднялась снежная буря. Она засыпала путешественников снегом, а потом начался горный обвал.

Дедушка и его друзья погибли в горах Памира. Их долго разыскивали, но так и не нашли. Тим ни разу живого дедушку не видел, но слышал о нём много. От бабушки, от мамы и папы. Когда дедушка погиб, Тима ещё и на свете не было.

Дедушкины вещи сложили в этот большой сундук, закрыли крышку и повесили замок. Сколько раз Тим приставал к бабушке, чтобы она хотя бы на минутку

открыла этот сундук. Тим одним глазом заглянул бы в него, и — пусть закрывает. Но бабушка сказала, что ключ потерялся. А без ключа, понятно, сундук не откроешь. А может быть, Свистун не врёт: действительно ключ положили в гроб вместе с дедушкой?

Не могли ключ положить в гроб. Никакого гроба ведь не было! Дедушка погиб в горах, и его даже не нашли. Врёт Свистун! А может быть, дедушка всегда носил ключ с собой? . .

Тим ошарашенно смотрит на сундук. Он снова такой же, как и был. Но замок открылся, и это факт. Не слышно грома, на чердаке светло. Солнечные лучи бьют в круглое чердачное окошко. Кажется, всё на чердаке так, как было раньше, и вместе с тем не так. Почему песок под ногами стал белый? Раньше-то он был жёлтый. Полушубок с верёвки куда-то исчез. И верёвки нет. Когда Тим забрался на чердак, он заметил в углу паутину. Обыкновенную паутину с обыкновенным пауком. И муха там была высосанная. А теперь паутина стала огромной и блестящей. В ячейку паучьей сети можно руку просунуть. И муха стала размером с воробья. А паук куда-то исчез. И это хорошо: если муха с воробья, то паук, наверное, с ворону. . .

Тихо на чердаке. И на улице тихо. Солнце нагрело крышу. Белый песок под ногами тёплый. Тим приложил ухо к крышке сундука и прислушался. . . Какие-то всплески, будто волны набегают на берег. Шуршание невидимых крыльев. Тихий, непонятный шёпот. . .

Тим протягивает руку к замку. Тяжёлый на вид замок оказывается совсем лёгким, как пушинка. Тим кладёт замок на песок. Затем легко поднимает окованную по

краям железом крышку. Слышится тихий звон. На крышке какие-то непонятные знаки. Этот сундук привезён из дальних стран. Его тащили на себе сначала слоны, потом верблюды. Ну, и поезд, конечно, вёз. Крышка без скрипа откидывается назад. Яркий солнечный свет из окошка падает на сундук. Сверху лежат связки пожелтевших бумаг, круглые камни с непонятными чёрными надписями, толстые книжки в кожаных переплётах. Тим всё это осторожно вынимает из сундука и кладёт на песок. Под книгами виднеются почерневшие медные чаши, каменные топоры и какие-то наконечники. От стрел и копьев, наверное. Точно такие Тим видел в музее. Он натывается на серые кости каких-то диких зверей. А вот огромный жёлтый зуб с дыркой. В эту дырку влезает половина руки. Чей это зуб? Тим перебирает в памяти всех животных, которых он видел на улице и в зоопарке, и ни к кому этот зуб не подходит. Он бы торчал из любой пасти, и ничей бы рот не закрывался. Даже у слона. Удивительный зуб нашёл дедушка в далёких краях!

В сундуке что-то блеснуло. Тим перевешивается через край и заглядывает. В сундуке темно и пахнет как в музее. Тим нащупал какую-то железяку, потянул. Железяка тяжёлая, с шорохом лезет из сундука. Это меч. Правда, он старый и тупой. Лезвие выщерблено, в зазубринах, вместо рукоятки ржавый четырёхгранный стержень. Но всё-таки это настоящий боевой меч и с ним ещё можно сражаться. Лёху бы огреть этим мечом по башке!

Раз в сундуке меч, значит, есть и шлем. Край сундука давит на живот, но Тим, не обращая внимания, за-

сунул обе руки в сундук. Он передвигает какие-то тяжёлые предметы, камни, глиняные посудины. Рука его натывается на что-то холодное и гладкое. Тим ухватил предмет и вытащил на свет.

6. ЖЁЛТЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

 то был странный человечек: плоская безволосая голова, большой круглый живот и маленькие скорченные ножки с большими ступнями, для устойчивости. Тоненькие руки сложены на животе. Человечек был совершенно голый и жёлтый. Лицо широкое, рот губастый и тоже широкий, пустые узкие глаза, приплюснутый нос.

Где же Тим видел этого человечка? Он пытается вспомнить и никак не может. Но в том, что он когда-то видел этого человечка, Тим не сомневается.

Человечек смотрел на Тима и улыбался. Он Тиму очень понравился. Маленький, но тяжёлый. Тим посмотрел на него через свет. Человечек светился, будто внутри его была зажжена маленькая лампочка.

«Это не кукла, — подумал Тим. — Куклы не такие. С куклой бы я не стал играть. Не мужское это дело — играть в куклы. А этот человечек не кукла. Он просто маленький жёлтый человечек, и всё».

Никогда ещё на чердаке так светло не было. Такое впечатление, словно солнечные лучи свободно проникают сквозь крышу. Тим даже ощущает, как припекает макушку, будто он сидит на самом солнцепёке. А паутина блестит так, что смотреть на неё невозможно.

И огромная муха блестит. Она давно неживая, эта муха. Она высосанная.

Человечек непонятно улыбается. То ли ему весело, то ли грустно. Никак не понять. Люди так не улыбаются. Но ведь человечек не виноват, что его таким сделали. Дразнят ведь мальчишки Мухина Еловой Шишкой из-за его головы? Как будто Витя виноват, что ему такую голову приделали! Уж такой длинноголовый уродился. А вон у Свистуна голова нормальная, да дурак и уши холодные. . .

Тим поставил человечка на белый песок, а разные вещи стал снова складывать в сундук. Оставил только зуб, меч и человечка. Сейчас он устроит великое сражение. Чердак — это поле битвы, на котором встретятся два могучих богатыря. Зуб Тим поставил прямо перед собой. Зуб — это богатырь. Тим тоже богатырь. Сейчас он будет насмерть сражаться с врагом. А жёлтый человечек пусть смотрит на него. Тим берёт меч, взмахивает им. Меч со стуком ударяет по крышке сундука, даже гул прошёл. Да, меч длинноват и тупой. С таким не победишь врага. . . Тим пробует пальцем остриё и вскрикивает: порезал! О маленькую зазубрину. На пальце появляется кровь. Тим хочет слизнуть её, но красная капля срыгается и падает вниз, прямо на жёлтого человечка.

И вдруг Тим услышал:

— Рабиндрахтрашкрх. . .

Глаза у Тима стали огромные и изумлённые. Он завертел головой: на чердаке, кроме него, никого нет.

— Глупости, — негромко сказал Тим.

И снова скрипучий голос:

— Шархбиртанрх. . .

7. Я — ВЕЛИКИЙ ИДОЛ

Голос исходил изнутри человечка, который лежал на песке.

Капля крови размазалась на его жёлтых, загадочно улыбающихся губах.

Тим засунул пораненный палец себе в рот и, хлопая глазами, уставился на человечка.

Тиму десять лет, он уже прочитал много книг. Он давно знает, что разговаривать умеют только люди и попугаи. И ещё скворцы и грачи немножко, если их долго учить.

А больше никто.

Даже самые дорогие и красивые куклы. Глаза они закрывать и открывать умеют, могут противно пищать, а разговаривать нет. А этот жёлтый человечек вдруг заговорил. Правда, на непонятном языке. На птичьем, что ли?

— Что ты сказал? — спросил Тим.

— Подними меня, — помолчав, сказал человечек.

Тим ещё шире раскрыл глаза. И не только глаза, но и рот. Человечек вдруг заговорил на человеческом языке.

— Подними же меня, — повторил человечек.

И Тим вспомнил, что существуют волшебные люди и звери, которые умеют разговаривать. И даже камни и деревья могут говорить. Тиму повезло, он нашёл настоящего волшебного человечка. Теперь он будет с ним дружить, и не нужны ему ни Лёха Свистун, ни Еловая Шишка.

Его новый друг — волшебный человечек — умеет раз-

говаривать, как знаменитый Буратино. На кого же похож этот человечек?

Тим осторожно поднял его и поставил на валявшийся рядом белый кирпич.

— Кто ты? — спросил Тим.

— Я — бог Солнца, — сказал человечек. — Тысячи лет мне поклонялись цари и народы.

И тут Тим вспомнил, на кого похож жёлтый человечек: он видел таких в музее. Их там много, больших и маленьких. Деревянных и каменных. Есть огромные — под самый потолок. Он даже вспомнил, как их называют.

— Ты идол, — сказал Тим.

Человечек помолчал, а потом спросил:

— Что такое «идол»?

— Давно-давно ты был божок... то есть бог Солнца, а сейчас обыкновенный идол, — объяснил Тим. — Это то же самое, что бог.

— Идол... — повторил человечек. — Ладно, зови меня Идолом... Великим Идолом!

Тим обратил внимание, что, когда Идол говорит, губы его не двигаются. Голос идёт откуда-то изнутри. Из большого круглого живота, который просвечивает. Чудак этот Идол! Говорит, что он бог Солнца... Давно уже никаких богов нет. Они были у древних людей, когда ещё электричества не было... Об этом рассказывали в школе.

Он с нежностью посмотрел на бога Солнца и провёл рукой по его гладкой голове.

— Не прикасайся ко мне, нечестивец! — воскликнул Идол.

Тим отдернул руку и посмотрел на ладони: они были и вправду нечистые. Ишь ты, заметил!

— Я вымою, — сказал Тим. Но спускаться вниз не хотелось: он боялся, что, стоит уйти, всё вдруг исчезнет. И не будет ни человечка, ни волшебного голоса. Тим старательно вытер руки о штаны. Сколько раз ему доставалось от родителей и от бабушки за грязные руки. И всё-таки было неприятно. Одно дело — мама ругает или бабушка, он к этому привык, а тут — сам бог Солнца... Обозвал «нечестивцем».

— Подними меня выше, — сказал человечек. Голос у него скрипучий и без всякого выражения. Тим поплевал на руки и ещё раз вытер их о штаны. Потом взял Идола обеими руками и поставил на сундук.

— Выше, — сказал бог Солнца.

Тим подошёл к старому буфету и, встав на самый край сундука, водрузил человечка наверх.

— Выше, — сказал Идол.

Тим растерянно стал озираться. Выше только крыша.

— Выше некуда, — сказал он.

Человечек стоял на пыльном буфете и равнодушно смотрел в тёмный угол. Тиму стало обидно, что Идол не хочет знаться с ним, вон как высоко забрался. Не достанешь.

Туча прошла, и дождь умолк. Редкие капли ещё срывались с крыши и шлёпались на землю. В чердачное окошко пробрался робкий солнечный луч и осветил Великого Идола. Тоненькие ручки сцеплены на животе, кривые ножки подогнуты. Такое впечатление, будто человечек вот-вот пустится в пляс.

Но Идол не собирался танцевать. Он смотрел своими пустыми щёлками-глазами на паука и о чём-то думал.

Вздрыгнула паутина. На белом песке зашевелились тени. Из тёмной щели под самой крышей высунулась длинная мохнатая лапа и, пощупав муху, снова спряталась. Послышался долгий, печальный звон. Это паук ущипнул длинную блестящую нить, и она запела, будто балалаечная струна.

Унылый звук вызвал в памяти Тима какие-то далёкие видения. Он вспомнил огромный собор в большом городе. Они туда всем классом ходили на экскурсию. В соборе был музей. Вот там Тим впервые и увидел великих идолов. Экскурсовод долго водил их по залам и рассказывал про то далёкое время, когда люди поклонялись деревянным и бронзовым идолам. Тиму очень понравился этот большой музей. Он ещё раз сходил туда. Один. И бродил по музею до самого закрытия. Он даже не заметил, что музей собираются закрывать. Может быть, и его, Тима, закрыли бы в этом музее, но в самый последний момент один из работников музея заметил Тима, который стоял у картины, изображающей поклонение язычников богу... Кажется, богу Солнца!

И тот идол на картине очень похож на этого жёлтого человечка. Значит, Идол не обманывает Тима. Он действительно бог Солнца.

Тим снова взглянул на Идола. Тоненькие ручки сцеплены на животе, кривые ножки подогнуты. Такое впечатление, будто человечек вот-вот пустится в пляс.

Но Идол не собирался плясать. Он смотрел своими пустыми глазами-щёлками на Тима и о чём-то думал.

Тиму очень хотелось поговорить с человечком. Не затем он вытащил его из старого сундука, чтобы молчал.

— Что ты в сундуке делал? — спросил Тим.

— Я — божество, — сказал человечек.

— Ты идол.

— Это одно и то же, — ответило божество.

— Ну да, — сказал Тим.

— Ты должен мне молиться, — сказал Идол.

— Молиться?

— Принеси мне в жертву белого быка, — сказал

Идол.

— Быка? — удивился Тим. — Какого быка?

— Белого, — сказал Идол. — Можно и чёрного.

— Зачем тебе бык? — спросил Тим.

— Я окажу тебе большую милость.

— Хочешь, принесу кузнечика? — сказал Тим. —

Поймаю в поле и принесу. Большого, зелёного.

— Тогда белого петуха, — сказал Идол.

— Вот привязался, — вздохнул Тим.

— Можно и чёрного, — сказал Идол.

Подавай ему на чердак быка!

Во-первых, к быку невозможно и близко подойти, его все в деревне боятся, во-вторых, быка вовек на чердак не затащишь. Разве что подъёмным краном. Причём необходимо будет крышу снять. И ещё неизвестно, выдержит ли потолок.

Петуха — другое дело. Петуха можно запросто притащить на чердак. Это проще. Но зачем богу Солнца по-

надобился петух? В жертву, говорит, принеси... Что такое «принести в жертву», Тим немного знал. Он слышал, как мама однажды громко говорила папе: «Я всю себя принесла в жертву семье...»

Дальше Тим не запомнил.

— Ладно, — сказал он, — приволоку тебе петуха...

— Я принимаю твою жертву, — сказал Идол. — Твоя капля крови разбудила мой дремлющий разум. Говори: что ты хочешь? Я, Великий Идол, всё могу.

Не поверил Тим, что Идол всё может. Если бы мог, то не просил бы в жертву быка или петуха. Сам бы взял...

Подумав, Тим сказал:

— Я хочу грушу.

Он любил груши.

— Я могу даровать тебе вечное царство на том свете... Могу сделать великим полководцем. Ты завоеуешь весь мир... Я всё могу...

— Грушу бы, — сказал Тим.

— Хочешь быть богатым и знатным? Хочешь властвовать над людьми?

— Ну, тогда яблоко, — сказал Тим. — Белый налив. Или апорт.

Яблоки он тоже любил.

— Тебе будут покоряться народы... — вещал Идол. — Ты будешь могучим и великим... Я всё могу.

Тим вздохнул и отвернулся от Идола. Он понял: раз бог Солнца не смог дать ему грушу, значит, он ничего не может. Хорошо, что хоть говорить может... Правда, говорит как-то чудно...

Грушу Тим, если захочет, и без него достанет. Через

два дома живёт тётя Даша. У неё в саду растут груши и яблоки. Сколько раз Тим любовался ими через забор. А вот попробовать не удалось: тётя Даша такая, что у неё зимой снегу не выпросишь. И охраняет свой сад днём и ночью. Даже неизвестно, когда она спит.

Тим попросил Идола, чтобы он рассказал, как очутился в дедушкином сундуке. Бог Солнца долго молчал. Широкое узкоглазое лицо его освещал тоненький луч солнца, проникший сюда в невидимую щель. Тим уже подумал, что человечек навсегда замолчал, но тут Идол произнёс:

— Склонись передо мною, Маленький Человек, и слушай, что расскажу тебе я — Великий Идол...

Тиму не понравилось, что Идол назвал его Маленьким Человеком. Сам-то в пять раз меньше, уж молчал бы...

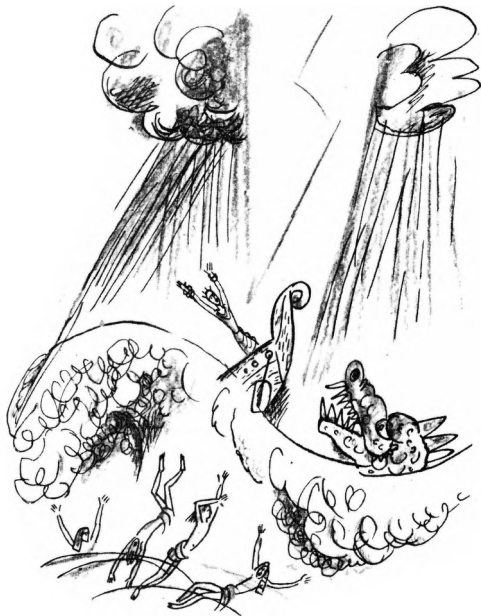
9. МОГУЩЕСТВО И ПАДЕНИЕ ЖЁЛТОГО ИДОЛА

Вот что рассказал бог Солнца.

— Была на Востоке огромная страна. Страна Арландия. Она омывалась тремя морями и двумя океанами. Жили в стране храбрые воины и рабы. Рабы ютились в жалких лачугах, а воины — в светлых каменных дворцах. И правил страной Арландией великий и могущественный царь Тиран Тринадцатый. С утра до вечера гнули спину на богатых воинов рабы. Они обрабатывали поля, рыли каналы, строили города и пирамиды, на которых увековечивали имя Тирана Тринадцатого. В солнечной столице до самых облаков возвышался

священный храм. И в том храме, на золотом троне, стоял я — бог Солнца. И царь Тиран Тринадцатый перед каждым походом на войну падал ниц передо мной и приносил в жертву белых быков. Никого царь не боялся, а перед ним все трепетали. И воины и рабы. Лишь передо

мной грозный царь склонял свою голову. Ведь это я сделал его великим и могущественным. Тиран Тринадцатый готов был принести мне в жертву всех быков и рабов, но тогда бы он умер с голоду. Рабы кормили царя и воинов, а быки пахали землю.

Царь стал таким великим и могущественным, что почувствовал себя божеством. Он перестал приносить мне в жертву белых быков. Перестал поклоняться мне. Он хотел, чтобы отныне только ему все поклонялись. И тогда я, Великий Идол, разгневался и обрушил на Тирана Тринадцатого ровно тринадцать несчастий. Рабы, которых в стране было больше, чем воинов, подняли восстание; соседние цари, которые платили дань Тирану, пошли на страну войной и разгромили всю армию. Моря вышли из берегов и затопили столицу. В грязных волнах, моля меня о прощении, погиб Тиран.

В Арландию пришли завоеватели и стали управлять страной. У них была другая вера. Они вышвырнули меня из священного храма и на моё место с почестями поставили своего идола, которому все стали поклоняться...

Несколько тысяч лет пролежал я в земле, дожидаясь своего часа, и вот теперь я снова стою на престоле...

— На старом буфете, — поправил Тим.

10. БЛИНЫ С БЕРЁЗОВОЙ НАШЕЙ

Хотя Идол вещал свою историю бесстрастным голосом, без всякого выражения, Тим прослушал её с интересом. Ему даже стало жалко бедного Идола, которого так безжалостно выбросили из храма. Слишком, наверное, много несчастий обрушил Идол на Тирана, вот потому и сам пострадал. Не хватило

у бога Солнца соображения. Тим хотел спросить про страну Арландию, где такая, но тут послышалось кряхтенье — и в чердачном отверстии показалась бабушкина голова. Но что это такое? Из-под клетчатого платка выглядывали жёлтые волосы. А у бабушки волосы всегда были чёрные с седыми нитями. Да и платок был в коричневую клетку, а сейчас стал в жёлтую.

Голова в клетчатом платке и очках повернулась в одну сторону, потом в другую и наконец увидела Тима.

— Вот где тебя нечистая сила носит, — сказала бабушка незнакомым голосом. Голос звучал будто из репродуктора.

— У тебя волосы жёлтые, — сказал Тим. И свой голос тоже не узнал. Какой-то тонкий стал у него голос, а может быть, это показалось? Бабушка на его слова и внимания не обратила. Не удивилась, что у неё волосы вдруг жёлтые стали. Как будто они всегда такие были. Она спросила:

— А если бы я упала с этой лестницы? Что тогда было бы?

— Не упала ведь, — сказал Тим.

— И самовар уж вскипел, и блины на столе, а его всё нету и нету. . .

— С чем блины? — спросил Тим. Он любил блины с вареньем.

— С берёзовой кашей, — сказала бабушка. — Ну-ка, слезай, мазурик! Я тебя сейчас угощу. . .

Голос-то у бабушки точь-в-точь как у Идола! Такой же скрипучий и без выражения. Но какой же голос ни был у бабушки, и пусть даже у неё волосы теперь жёлтые, слушаться её надо, а то может и попасть.

Тим украдкой посмотрел на Великого Идола и тихонько сказал:

— Будет тебе петух. . . Белый!

— Ты чего там бормочешь? — спросила бабушка. —
Опять мне перечишь?

11. Я ЗАВОЮЮ ВСЁ МИР!

Спустились вниз, и волосы у бабушки снова стали чёрными с сединой, а жёлтая клетка превратилась в коричневую. Только голос у бабушки был скрипучий и без всякого выражения.

И на улице творится что-то непонятное. Совсем недавно было утро, а теперь вечер. Неужели Тим весь день просидел на чердаке? . .

И солнца никогда он такого не видел. Большое и красное, оно неожиданно спряталось за деревья. Только что видно было и вдруг провалилось, как в колодец. Лишь небо в том месте стало красным, как пламя. А дорога из белой превратилась в серую. С речки, шлёпая жёлтыми лапами по пыли, пришли утки. В старой бочке с водой отражалась улыбающаяся луна. А на небе её не видеть. Как луна попала в бочку? На тропинке сидела лягушка и задумчиво смотрела на бочку, соображая, как лучше туда забраться.

Бабушка немножко поругала Тима скрипучим голосом. Она сказала, что на чердаке живёт злая крыса, ростом с кошку. Если он будет лазать туда, эта гигантская крыса набросится на него и напрочь откусит нос. И останется бедный Тим без носа. Тим слушал бабушку, и ему

было смешно. Каждый раз она придумывает новые истории. В прошлый раз сказала, что на чердаке живёт злой чёрный филин. И что он когда-нибудь долбанёт железным клювом Тима в лоб. И будет бедный Тим ходить с дыркой во лбу. Интересно, что она в следующий раз расскажет?

— Это ужасно! — в ответ на бабушкину историю о кровожадной крысе сказал Тим.

— Что ужасно? — спросила бабушка.

— Жить без носа. . .

Бабушка всё ещё считала внука маленьким мальчиком и рассказывала ему детские небылицы. Тиму было скучно, но он слушал. Не хотел обижать бабушку. Она хорошая, и потом, он скоро уезжает. В город, к папе и маме.

Тим выпил большую кружку тёплого парного молока, съел яйцо всмятку. Но почему-то не почувствовал никакого вкуса. Будто бумагу пожевал. «Идол, наверное, тоже не прочь бы закусить, — подумал Тим. — Нет, он не ест. У него рот не открывается. Столько лет пролежал в сундуке и не умер ведь с голоду?»

— Бабушка, — сказал Тим, — я буду великим полководцем и завоюю весь мир.

Бабушка, она устроилась с книжкой у окна, уставилась на внука.

— Попробуй, — сказала она. — Только один уже попробовал, да ничего не вышло. . .

— Кто это?

— Был такой фашист. . . Гитлер.

— Я пошутил. . . — сказал Тим. Как же это он забыл про Гитлера? Про самого главного фашиста,

который хотел завоевать весь мир, а его Советская Армия разгромила. И до сих пор, это Тим знал из разговоров взрослых, не известно, где его проклятая могила.

Бабушка посмотрела на Тима и сказала:

— А с тобой не помрёшь со скуки.

— Что? — спросил Тим.

— Глухому поп две обедни не служит, — сказала бабушка и засмеялась. И очки на её толстом носу стали подпрыгивать.

Тим ложился спать раньше бабушки и позже её вставал. Он ещё ни разу не видел бабушку спящей. Вот и сейчас его постель готова, а бабушкина ещё не застлана.

Тиму очень хотелось рассказать ей про Великого Идола, но он боялся, что бабушка заберётся на чердак и спрячет человечка в сундук. И снова повесит огромный замок, а потом жди, когда он снова откроется. Хоть Идол и говорит, что он великий и могущественный, бабушка в этом отношении с ним может потягаться. Она куда могущественнее. Может за уши оттягать, в угол поставить, как маленького. Бабушка всё может.

Но кое-какие вопросы Тиму нужно было выяснить. Он начал издалека.

— Бабушка, ты могучая? — спросил Тим.

— Какая? — Бабушка закрыла книжку и сняла очки. Глаза у неё сразу стали большими, так как очки сильно их уменьшали.

— А разве плохо быть великим и могущественным? — спросил Тим.

— Говори, говори, я слушаю. . .

— А богатым и знатным? И чтобы тебе все народы поклонялись?

— Кто это тебе наговорил всякого такого? — спросила бабушка.

— Я хочу, чтобы мне принадлежала власть, — сказал Тим.

— Ну и что?

Тим задумался: а что тогда будет? Просто не посмеет его никто пальцем тронуть, а он всеми будет командовать, как какой-нибудь командир.

Бабушка отложила книжку в сторону, посмотрела на внука.

— Послушай-ка, что я расскажу тебе. . .

Бабушка часто рассказывала Тиму разные истории. И хотя сегодня голос у неё был почему-то скрипучий и без всякого выражения, он приготовился её внимательно слушать.

12. КОГДА БАБУШКА БЫЛА ДЕВЧОНКОЙ...

Когда я была девчонкой... — начала бабушка.
— Девчонкой? — удивился Тим. Он не может поверить, что бабушка когда-либо была девчонкой. Сколько он её помнит, она всегда бабушка.

— . . . такой же маленькой, как и ты, в нашей деревне жил помещик. Такой граф Пуговкин. . .

Тим закрывает на секунду глаза и представляет этого графа: человеческое туловище, а вместо головы большая блестящая пуговица с двумя дырками. . .

— . . . он очень любил, чтобы ему все низко кланялись. До самой земли. Кто ниже всех ему поклонится, он даже гривенник давал. . . И ещё любил, чтобы ему почаще напоминали, что он граф. Остановит кого-нибудь и спрашивает, тыча себя в грудь: «Кто я такой, по-вашему?» Ну, ему все и говорят: «Ваше сиятельство граф

Пуговкин...» Он так весь и заулыбается и снова лезет в карман за гривенником...

— Он дурачок был? — спросил Тим.

— Я так думаю — нет, умный был... Чувствовал, что скоро его время кончится и погонят их всех из России-матушки.

— Дальше я знаю, — сказал Тим. — Началась революция, и вся власть перешла к нам...

— Вот видишь, — сказала бабушка, — оказывается, вся власть и так тебе принадлежит...

Тим долго думал, а потом спросил:

— А что такое власть, бабушка?

За окном совсем темно стало. Звёзды высыпали на небе. И Луна плывёт над самым лесом. Наверное, из бочки выпрыгнула. И кажется Тиму, что это совсем не луна, а пуговица с двумя дырками — голова графа Пуговкина. А туловища нет, потерялось оно где-то по дороге, пока его сиятельство бежал из России-матушки...

13. ЧАША ТЕРПЕНИЯ ПЕРЕПОЛНИЛАСЬ

Но почему это луна так быстро по небу бежит? Вот она скрылась за деревьями, а звёзды вдруг пропали. Небо на глазах стало светлеть. По листьям деревьев запрыгали солнечные зайчики. Электрическая лампочка сама по себе потухла. Тим взглянул на кровать, на которую так и не успел лечь, — кровать застлана. А в окна уже лезет солнечный свет.

Как же это так? День на глазах за какой-то час

обернулся. Тим хотел спросить бабушку, что это творится на белом свете, но бабушки уже на месте нет. Зато слышно, как взыкают во дворе струи молока. Бабушка корову доит.

Выглянул Тим в окно, а там у калитки стоит Еловая Шишка. И рукой ему машет.

Вышел Тим на улицу. Еловая Шишка — сам на себя не похож. Глаза красные, нос заклеен крест-накрест жёлтым пластырем. Витька ожесточённо шмыгал большим носом и молчал.

— Пчела? — спросил Тим.

— Какая там пчела! — буркнул Витя.

— Дверью прищемили?

— Какой там дверью!

Еловая Шишка дотронулся до пластыря и моргнул. По щеке скатилась горячая слеза и упала в пыль.

— Всё ясно, — сообразил Тим. — Лёха?

— «Я, — говорит, — лисёнка поймал, потешный такой... В норке сидит, хочешь покажу?» Чего бы не поглядеть... «Ты, — говорит, — нагнись к норке-то, и увидишь...» Я нагнулся, а меня кто-то за нос как схватит...

— Ещё хорошо, что не весь откусили, — сказал Тим. — Сообразил — в нору нос совать!

— Я думал...

— Вот чем ты думал — неизвестно, — сказал Тим.

— Давай морду ему набьём, а? — сказал Еловая Шишка.

— Ты же мирный человек, — подковырнул Тим. — Плакат Первого мая с голубем нёс.

— Я потом с Нелькой поменялся, — сказал Витя — Еловая Шишка. — Я ей голубя, а она мне — букву... Буква легче.

— Какую? — спросил Тим.

— Букву «д».

— И ты нёс эту букву?

— Не всё ли равно... Свистун нёс «я».

— Сравнил, — сказал Тим. — «Д» — это значит дурак!

Еловая Шишка насупился и стал фыркать. Сначала потихоньку, потом всё громче. Забыл и про свой больной нос. Это значит, он разозлился. Может быть, они и подрались бы, но тут на горизонте появился сам Лёха Свистунов.

Витя сразу перестал фыркать. Насупился и кулаки сжал. А Тим стал озиаться: нет ли поблизости палки потяжелее, чтобы огреть по горбине Свистуна.

— Давайте заключим мир, — с подъёмом сказал Лёха.

Тим и Еловая Шишка молчали. Так они и поверили Свистуну!

— Кто старое помянет — тому глаз вон, — всё в том же духе продолжал Лёха.

— Сначала нос, а потом глаз? — спросил Тим.

— Дуракам закон не писан, — сказал Свистун.

— А что у тебя за пазухой? — спросил Тим.

— За пазухой?

Лёха похлопал себя по рубаше. За пазухой у него ничего не было.

— Братцы, какой я ночью сон увидел... — сказал Свистун.

— Дать бы тебе по шее, — запоздало сказал Еловая Шишка.

Впрочем, Свистун не обратил на него внимания. Он подсел поближе к ребятам и уже заранее стал хихикать, — видно, был сон смешной. Ребята и не заметили, как Лёха вытащил из кармана спичечный коробок, немного приоткрыл его и положил между ними. А сам отошёл в сторону и стал рассказывать, заливаясь после каждого слова, хотя пока ничего смешного не было.

Сон приснился Свистуну неинтересный. Он плыл по морю на подводной лодке и повстречался с огромной черепахой... Подумаешь, чудеса!

Тут у Тима зачесалась рука, потом нога, грудь, шея... Такого ещё с ним никогда не было. Скоро зазудело всё тело. Еловая Шишка тоже чесался почём зря и кричал при этом.

Они вскочили со ступенек и, ошарашенно глядя друг на друга, без передышки чесались. На теле у них вскочили большие красные волдыри.

Лёха отполз подальше, упал на спину и, дрыгая ногами, хохотал.

— Чесотка у вас, что ли? — сквозь смех спросил он.

Тим и Еловая Шишка, приплясывая на одном месте, молча чесались и никак не могли остановиться.

Тут Тим заметил на крыльце спичечный коробок. Он схватил его.

— Что там? — спросил Мухин, заглядывая.

Тим открыл коробок, и оттуда на них ринулась целая армия чёрных собачьих блох...

Отшвырнув коробок, Тим стащил с себя рубашку и

штаны. Глядя на него, стал раздеваться и Еловая Шишка. Скоро они остались в чём мать родила.

Свистун уже не смеялся, он валялся на траве и хрюкал. А Тим и Еловая Шишка всё чесались.

Мимо шла знакомая девочка Неля. В руках у неё корзинка с грибами. Увидев голых мальчишек, Неля выронила корзинку на дорогу. Грибы рассыпались: куда ножки, куда шляпки.

Тим, покраснев как пареная свёкла, подскочил к бочке с дождевой водой и лягушками и бухнулся туда. Еловая Шишка спрятался за бочку.

— Умру-у... — вопил ослабевший от хохота Свистун. — От смеха умру... Люди добрые, спаси-ите!

14. СОЙДЁТ И КУРИЦА...

Мрачные и убитые сидят на крыльце Тим и Еловая Шишка. Время от времени они чихают: сначала один, потом другой. А иногда и вместе. И никто им не говорит: «Будьте здоровы!»

Они одеты и больше не чешутся. Половину коробки «дуста» истратили приятели на себя. На их рубахах и штанах — серая ядовитая пыль. Волосы тоже припудрены «дустом». Блохи погибли все до единой. И не только блохи: три мухи и две осы приказали долго жить. Они сдуру уселись на мальчишек и — тут же лапки кверху.

Ядовитая пыль лезла в нос, глаза. И всё-таки это было лучше, чем свирепые собачьи блохи. И как это ещё Тим вспомнил, что у бабушки в нижнем ящике комода лежит коробка с порошком.

Блохи — ладно, их уничтожили! А вот как быть с Нелей? Она видела их обоих без трусов. Совсем голых. Даже грибы рассыпала. По чести говоря, Неля нрави-

лась Тиму. Он даже хотел ей шариковую ручку подарить. На память о деревенском лете. Может быть, она когда-нибудь этой ручкой письмо ему в город напишет... А теперь он ей и в глаза не сможет посмотреть... Позор!

— Где он столько блох набрал? — спросил Тим.

— То-то я утром видел, как он за Тобиком гонялся... — вспомнил Мухин.

Тобик был ничейный старый пёс. Он любил шарить на помойках, в погожий день валяться где-нибудь под забором. В общем, пёс-блохоносец.

Тим вдруг усмехнулся, вскочил на ноги.

— Ну, теперь пропал Лёха Свистун! — сказал он.

— Бить будем? — спросил Еловая Шишка. — Или топить?

— Сначала поймаем петуха, — загадочно сказал Тим.

Курицы рылись в огороде. Бабушка всякий раз гоняла их оттуда, но они не слушались её. Тим осторожно, вдоль забора, подобрался к хохлаткам, окружившим петуха. Увидев Тима, петух выпрямился, чиркнул шпорой по земле и, тряся налитым кровью гребнем, выступил вперёд. Коричневый глаз его воинственно смотрел на Тима. «Как кокну!» — с угрозой сказал петух и встряхнул белыми серёжками. Тим сделал шаг к нему. Петух, вместо того чтобы убежать, тоже сделал маленький шаг навстречу. Куры с любопытством смотрели на них. Они что-то негромко советовали петуху на своём курином языке. Наверное, куда лучше клюнуть Тима.

— Хватай за ногу, — сказал Витя, держась в стороне.

Тим сделал ещё один шаг и протянул руку. Петух подпрыгнул и больно клюнул в ладонь. Куры обрадованно закудахтали. Петух покосился на них, растопырил крылья и пошёл в атаку. Тим стал отступать. Ладонь жгло, будто на неё кипятком капнули. Петух ещё раз подпрыгнул и долбанул железным клювом в коленку. Тим не выдержал, повернулся и с позором побежал в сарай. «Ко-ко-ко-ко!» — закатились от смеха курицы. Петух догнал мальчишку, ещё раз клюнул, чуть ниже спины, и отстал.

В сарае было сумрачно, пахло берёзовыми вениками. Тим почесал ногу, подул на ладонь. Ну и клюв у этого паразита! Где-то рядом кудахтнула курица. Тим оглянулся: в плетёной корзинке сидела белая хохлатка и косила на него глазом. Тим на цыпочках стал приближаться к курице, которая смиренно сидела в корзине. Когда Тим дотронулся до её теплой спины, она закрыла глаза и чуть слышно сказала: «Куда? Куда?»

Тим благополучно вытащил её из гнезда и, зажав под мышкой, отправился на чердак. Больше всего он боялся, чтобы бабушка не вышла в сени. Но обошлось.

15. „СТУПАЙ И ВЛАСТВУЙ!“

Едва Тим ступил на чердак, как все звуки исчезли. Здесь тихо и солнечно. Можно подумать, что крыша вся из стекла, так светло на чердаке. Тускло блестит большая паутина. Всё та же огромная муха висит в ней. А паука всё ещё не видно. Прячется где-то.

Идол стоит на буфете и смотрит в угол. Смотрит и мудро усмехается. Уж он-то знает, что здесь такое происходит. Почему ночь была короткой, как солнечное затмение.

— Доброе утро, — вежливо поздоровался Тим, хотя и не был уверен, что это утро. Всё почему-то перепуталось, не найдёшь концов...

Бог Солнца молчал. Он почему-то никогда сразу не отвечал. А возможно, обиделся, что Тим принёс ему вместо петуха обыкновенную курицу.

— Какая разница — петух или курица? — сказал Тим. — Наш петух никудышный... Хромой и полхвоста выдрано...

Идол молчал.

— Это прекрасная курица, — похвалил Тим. — Белая. И главное — с яйцом.

Курица зашевелилась, и Тим ещё крепче прижал её к себе.

— Я Великий Идол, — наконец произнёс жёлтый человечек.

— Знаю, знаю... — сказал Тим. — Великий Идол, а что такое власть?

— Нет в мире ничего более приятного, чем власть... Кто испытал это, всю жизнь будет стремиться снова обрести власть. Власть даёт чувство огромного превосходства над всеми. За власть пролиты моря крови и слёз. Человек, обладающий бесконечной властью, подобен в глазах подданных божеству. Такому человеку все поклоняются, каждое его слово — закон...

— Чтобы получить власть, нужно быть умным и сильным? — спросил Тим.

— И глупые правила народами, и слабые...

— Тогда я тоже смогу, — сказал Тим.

— Не личность создаёт власть, а власть — личность, — мудро изрёк Идол.

— Вот тебе курица, — сказал Тим. — А мне давай эту власть... Пусть мне все поклоняются, пусть каждое моё слово будет законом. Можешь так сделать?

— Принеси мне эту птицу в жертву.

— Бери, — сказал Тим и протянул Идолу курицу. Но тут хохлатка, зацепив Тима крылом по уху, вырвалась и суматошно заметалась по чердаку. Тим за ней. Курица, ошалело кудахтая, белым снарядом вылетела

в чердачное отверстие. Тим с досады чуть не заплакал. Все труды его насмарку. Теперь попробуй поймай... Он остановился перед Идолом и огорчённо развёл руками:

— Улетела, проклятая... Вместе с яйцом.

Идол молчал. Не оправдал Тим его надежд. Не иметь ему власти.

— Хочешь, поймаю воробья? — предложил Тим, вспомнив про воробьиное гнездо за наличником окна. — Воробей тоже птица... Только маленькая.

— Я дам тебе, Маленький Человек, огромную власть, — наконец промолвил Идол. — Отныне ты самый могущественный человек. Иди и властвуй!

— Я буду сильнее Лёхи Свистуна? — спросил Тим.

— Ступай и властвуй! — сказал Великий Идол.

16. САМЫЙ МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Сказал это Идол и замолчал. И ничего такого не произошло: не грянул гром, не засверкали молнии. И чердак не превратился в дворец. И Тим не стал великаном.

Всё так же стоял на буфете Великий Идол и загадочно улыбался. И всё вокруг было жёлтое на чердаке, только песок под ногами белый. И Тим весь был жёлтый, как мандарин. Рубашка жёлтая, штаны жёлтые, и даже носки жёлтые.

Когда Тим был во дворе, он слышал людские голоса, крики ласточек, носившихся над дорогой. А сейчас тихо. Будто кто-то Тиму уши ватой заткнул. Звуконепроницаемой.

Глаза Тима наткнулись на синюю муху, размером с воробья, которая запуталась в паутине. Ему захотелось, чтобы она ожила и освободилась. Не успел он подумать об этом... паутина вздрогнула, муха, как бешеная, закрутилась в ней и зажужжала. Вот она полетела и села Тиму на жёлтую сандалету. И сама сразу стала жёлтой. Тим пошевелился и почувствовал, как за скрипели доски под песком. Он взглянул на Идола, и ему показалось, что он вдвое уменьшился. Крошечная жёлтая фигурка. Впрочем, он тут же забыл про бога Солнца. Подошёл к лестнице и спустился вниз.

В коридоре тишина. Бесшумно отворилась дверь, и на пороге показалась бабушка. В одной руке она держала продовольственную сумку, в другой — деньги. «За хлебом хочет меня послать, — подумал Тим. — Нет уж, сама сбегай...» И тут произошло вот что: бабушка пулей выскочила на крыльцо, протарахтела по ступенькам и помчалась в магазин. Люди останавливались и с удивлением смотрели на столь резвую старушку. Вот бабушка добежала до угла улицы, круто повернулась и исчезла из глаз. «У неё же сердце больное...» — вспомнил Тим и тут же забыл про бабушку, увидев у калитки Еловую Шишку. Витька бросался в петуха щепками. Вот он обернулся, увидел Тима и шлёпнулся на тропинку. Глаза у него стали большие и пустые. А лицо расплылось в радостной улыбке. Обычно Витька редко улыбался.

— Ты чего? — озадаченно спросил Тим.

— Я тебя люблю, — сказал Витька.

— Меня? — изумился Тим. Такого он ещё никогда от Еловой Шишки не слышал. Витька всегда был сдержан в проявлении своих чувств.

— Ты очень умный, — сказал Витька, не переставая радостно улыбаться.

— Так уж и очень...

Тим никак не мог понять: разыгрывает Витька его или всерьёз?

— Ты отличник, — с восторгом сказал Еловая Шишка.

Это уж слишком! Оличником Тим никогда не был. У него в табеле две тройки. Одна по физкультуре, вторая по арифметике. И Витька об этом прекрасно знает.

— А ты кто? — спросил Тим.

— Что скажешь — то и сделаю, — сказал Еловая Шишка. — Хочешь, жука съем?

— Не надо.

— Хочешь, спляшу?

— Свистуна пойдём бить, — сказал Тим.

— Ты справишься с ним одним пальцем, — угодливо сказал Еловая Шишка. — Ты самый сильный...

Тиму надоело это враньё. Он даже сплюнул. Витя тут же заметил:

— Ты замечательно плюёшься. Дальше всех.

— Болтун, — сказал Тим.

Он вспомнил про петуха-драчуна. Наступила пора с ним рассчитаться... Курицы ковырялись на грядке. Искали червяков. Лишь только Тим взглянул на них, как петух, а за ним и вся куриная компания

попадали на землю и глаза прикрыли белыми плёнками.

Тим подошёл к петуху и ткнул его сандалетой в белый бок.

— Будешь, паразит, драться?

Петух перевернулся на спину, и его длинные жёлтые ноги с острыми костяными шпорами скрючились. «Никак умер?» — испугался Тим и, подражая бабушке, крикнул:

— Брысь, окаянные, с огорода!

Птицы вскочили и — что самое удивительное — молча перемахнули через забор. Даже ни разу не кудахтнули. И вмиг оживший петух исчез вместе с ними.

— Какой ты смелый! — восторженно сообщил Витя. — Как Чапай...

Сначала Тиму смешно было слушать Еловую Шишку, а потом привык, вроде бы так и надо! Приятно всё-таки, когда тебя всё время подхваливают...

Тим шёл по улице, и ему хотелось совершить что-нибудь такое, чтобы все ахнули, а не только Витька. Но пока ничего интересного не попадалось на пути.

Улица словно вымерла. Наконец повстречались утки. Лениво переваливаясь, они тянулись с речки домой. Тим пожелал, чтобы утки взлетели в небо. И жирные, пёстрые утки, которые с самого рождения не отрывались от земли, голубыми взмыли в небо и скоро пропали из глаз.

Тим ожидал, что Витька сейчас его похвалит, но тот молчал. И улыбка на его лице была кислая. Тим вспомнил, что это ведь Витькины утки. Он улыбнулся и посмотрел на небо: послышался шум крыльев, и восемь уток

одна за другой приземлились на то же самое место, с которого стартовали.

— Ты великий... — сказал Еловая Шишка.

Тим довольно улыбнулся, — дескать, то ли ещё будет...

17. ГЕРОЙ НА БЫКЕ

Навстречу, понунив голову, шагала лошадь, таща нагруженный сеном воз. Рядом, с вожжами в руках, шёл дядя Петя, кузнец, огромного роста человек в выгоревшей гимнастёрке без ремня.

Поравнявшись с Тимом, лошадь быстро-быстро закивала головой, а дядя Петя перешёл на строевой шаг и отдал Тиму честь, словно какому-нибудь генералу. Витька тоже приложил ладонь к своей длинной голове и от усердия глаза вытаращил.

— Это... как его... вольно, — сказал Тим.

Кузнец опустил руку, лошадь перестала кивать, а Еловая Шишка ещё долго держал ладонь у пустой головы.

— Кто же я? — спросил Тим.

— Генерал, — без запинки ответил Витька.

Тим удивился: он и сам про себя только что подумал, что он почти генерал. Это когда кузнец руку приложил к виску. Тиму захотелось, чтобы ещё кто-нибудь поприветствовал его. Чтобы все, кто ни шёл мимо, все приветствовали его, как командующего парадом.

Из переулка выбежала старушка с кошёлкой в руках. Она что есть духу мчалась навстречу. И вдруг бег

её замедлился, старушка перешла на строевой шаг и, прижав кошелёк к боку, взяла под козырёк. Это так говорится, на самом деле она смешно приставила руку к платку и, шлёпая туфлями по пыли, прошагала мимо мальчишек.

У Тима открылся рот: это была его бабушка! Как же это он её не узнал? Неудобно стало Тиму: бабушка могла бы и не приветствовать его. Она всё-таки старая. Тим посмотрел ей вслед и пожелал, чтобы она больше не бежала.

Бабушка сразу остановилась, присела на скамейку у высокой берёзы. Нелегко ей, старой, бежать по улице под дудку своего внука...

Идёт Тим по улице и думает: что бы ещё такое сообразить? Летела мимо ласточка, Тим взглянул на неё, и птица замерла в воздухе, трепеща крыльями, будто жаворонок в поле. Отвернулся Тим, — ласточка полетела дальше по своим делам.

Вдали послышалось грозное мычание: колхозный бык! Он всех заблаговременно предупреждал о своём появлении. Быка в деревне боялись все. С быком плохи шутки: подцепит на рога и перебросит через забор. Тим, забыв, что он могущественный человек, стал оглядываться: где подходящая калитка, в которую можно юркнуть?..

И тут он увидел девочку Нелю. Она вышла из дома с белой кружкой, полной шершавого крыжовника. Тим сразу вспомнил, кто он теперь такой, и сурово уставился на быка. «Сейчас же подойди ко мне и нагнись!»

И грозный бык, осторожно ставя копыта в пыль,

приблизился к Тиму и, подломив передние ноги, нагнулся. Его широкие вывернутые ноздри касались земли.

Тим, которому очень хотелось потрясти Нелю, взобрался на быка и проехал на нём вдоль всей улицы.

У девочки Нели глаза стали огромными. Весь вид её говорил о крайнем изумлении и восторге. Как будто она не Тима увидела, а знаменитого киноактёра. Она приблизилась к Тиму, который сидел на быке, и, сделав

глубокий реверанс, как балерина на сцене, певуче произнесла:

— Я до глубины души восхищена вами... — и протянула кружку с крыжовником.

Голос у Нели звонкий, будто она отвечает у школьной доски урок. И слова какие-то чужие, из книжки, что ли?

— Называй меня на «ты», — сказал Тим.

Но девочка заученно продолжала:

— Вы с первого взгляда поразили моё воображение... Я всю жизнь мечтала встретить такого отважного рыцаря... Отныне моё сердце принадлежит только вам, мой храбрый рыцарь!

«Вот шпарит! — подумал Тим. — Как стихотворение...»

— Это я рыцарь? — спросил он.

— Вы победили этого страшного зверя...

— Это бык, — сказал Тим.

— Вы мой герой...

— Ты — Тимофей Бычье Сердце, — сказал Еловая Шишка.

Тим сидел на смирном быке и раздумывал: всё это очень здорово — и бык, и девочка Неля... Все его слушаются, но почему ему от всего этого как-то не по себе? И слова, которые говорят Неля и Еловая Шишка, Тим когда-то сам читал в какой-то книжке... Совсем недавно он прочитал книжку Вальтера Скотта «Айвенго». Там был Ричард Львиное Сердце, а он, Тим, вот стал Тимофей Бычье Сердце... Откуда, спрашивается, выкопал это название Витька Мухин? Он за всю жизнь не прочитал и двух книжек...

Оказывается, стоит получить власть — и любые твои даже самые пустячные поступки воспринимаются как героические подвиги...

Только подумал это Тим, как видит: из правления колхоза выходит председатель, тётя Соня — бухгалтер — и дед Фёдор в белой рубаше навывпуск и русских сапогах. Все они направляются к Тиму.

По пути председатель заглядывает в листок, будто готовится речь произнести.

Когда они подошли поближе, Тим увидел, что у деда Фёдора в руках большое блюдо, на котором лежат круглый хлеб и солонка...

— Да здравствует Тим! — воскликнул Еловая Шишка и снова приложил ладонь к голове.

Вдруг Тиму пришла смелая мысль: пусть всё на одну минуту будет так, словно у него, Тима, нет никакой власти...

И произошло такое... Бык нагнул рогатую голову и заревел как паровоз. Девочка Неля с визгом метнулась к своей калитке. Еловая Шишка полез на берёзу. Председатель и бухгалтер припустили назад к правлению. Лишь дед Фёдор остался на месте. Он был старый и уже давно разучился бегать.

Бык взбрыкнул задом, Тим едва удержался на нём. Потом бык стал фыркать и землю рыть копытами. Быку не нравилось, что на нём кто-то сидит. Внезапно сорвавшись с места, он галопом помчался по улице и вдруг так же неожиданно встал как вкопанный. Тим, вскрикнув, перелетел через рогатую голову и шлёпнулся в дорожную пыль... А бык, выставив страшные рога, пошёл на него...

Тим от страха и глаза закрыл. Он ждал удара, но ничего не произошло. Когда он открыл глаза, то увидел, что бык в покорной позе стоит перед ним, подломив передние ноги. Из правления снова идёт делегация чествовать Тима, а Еловая Шишка тут как тут, стоит и в глаза заглядывает...

Прошла ровно одна минута...

У Тима пропала охота ко всяким чудесам. Он потёр ногу, которая ныла от удара о землю, сердито взглянул на быка.

— Пошёл вон! — сказал Тим.

Бык как сквозь землю провалился. Делегация вернулась в правление. Не за что Тима славить и хлеб с солью приподносить...

— Как я летел... — сказал Тим.

— Ты космонавт, — заявил Еловая Шишка.

18. МЕСТЬ

Лёха Свистун, мурлыча что-то под нос, обстругивал острым ножиком палку, которая должна была изображать ружьё. Вместо затвора Лёха приколотил к палке оконный шпингалет. Шпингалет щёлкал, как настоящий затвор. Лёха спрятал в карман ножик, повертел «ружьё» в руках. Ничего, похоже на настоящее. Эх, напугать бы кого-нибудь...

Свистун приложил палку к плечу и стал целиться. Сначала он прицелился в камень, потом в курицу...

Тим и Еловая Шишка, спрятавшись за забором, наблюдали за ним.

Вот Лёха щёлкнул шпингалетом и прицелился в большую бочку, что стояла у колодца...

— Пли! — сказал Тим.

Палка оглушительно выстрелила. Огромная бочка разлетелась вдребезги. Вода хлынула на землю. А обалдевший Свистун, выронив дымящееся «ружьё», шлёпнулся в растекшуюся лужу. Одной рукой он потирал плечо, в которое больно ударило прикладом.

Тим уткнулся носом в траву и захохотал. Надо было видеть Лёхино лицо: рот разинут, круглые кошачьи глаза вытаращены.

Долго сидел обалдевший Свистун в луже и хлопал глазами. Затем поднялся, обошёл коварное «ружьё» и уселся на опрокинутое ведро. Вид у Лёхи был удручённый. Кто бы мог подумать, что эта палка выпалит? Теперь достанется ему на орехи! Скажи отцу, что «ружьё» нечаянно выстрелило, разве поверит? Этой же палкой отдубасит по горбине.

И тут Тиму пришла в голову мысль: пускай до чего ни дотронется Свистун, всё разрушается...

Ведро, на котором сидел Лёха, на глазах сплющилось, и он во второй раз шлёпнулся на землю. Вскочил и стал отряхивать штаны. Материя клочьями полетела на траву. На штанах образовались огромные дыры.

Лёха схватился за голову: в руках остался клоч волос.

— Мама родная... — негромко произнёс вконец обескураженный Свистун.

Он стал пятиться к крыльцу. Где ступала его нога, оставались чёрные следы. Трава, цветы — всё исчезало. Вот Свистун дотронулся до забора, и тотчас доска

отскочила. Лёха зацепил рукой за бельевую верёвку, и мокрые простыни белыми лебедями опустились на траву.

— Спасите! — крикнул Свистун. Он стоял как вкопанный и чуть не плакал. Лёха был мелким вредителем, а разрушать всё вокруг ему совсем не хотелось. Он растопырил руки и боялся пошевелиться. Как бы ещё что не покалечить.

Тим выбрался из укрытия и подошёл к Лёхе, который напоминал застывшую на сцене балерину. Еловая Шишка держался в отдалении. Ему совсем не хотелось, чтобы Свистун до него дотронулся...

— Как жизнь? — спросил Тим.

— Караул... — жалобно сказал Лёха, не двигаясь с места.

— Мы тебя бить пришли, — сказал Тим.

— Куда? — спросил Свистун.

— Что куда?

— Куда бить будешь: в ухо или в лоб?

Тим подумал и сказал:

— В лоб.

Свистун с готовностью подставил свой широкий лоб.

— Бей, — покорно заявил он.

Тим размахнулся... но не ударил. Рука его опустилась. Если бы Лёха сопротивлялся или ругался, то Тим его обязательно стукнул бы. Но Свистун молчал. Он даже глаза прикрыл, дожидаясь удара. Тим не знал, что делать. Вот так просто бить человека, пусть даже такого вредного, как Свистун, было как-то неприятно.

— Ударь сначала ты меня, — попросил Тим. — Ну, чего стоишь, стукни меня по чему-нибудь!

— Не могу, — ответил Лёха. — И рад бы, да рука не поднимается.

— Я разрешаю... — сказал Тим.

— Огрей лучше меня палкой... — Лёха схватил с земли самодельное ружьё, но оно тут же развалилось на куски. В руках остался лишь железный шпингалет.

— Я пропал... — растерянно произнёс Свистун и отшвырнул в сторону железку, словно она обожгла ему пальцы.

— Подкинь ему, — сказал Тим Еловой Шишке. Тот опасливо ударил Лёху по щеке. Тим ожидал, что Свистун уж Витьке-то даст сдачи, но Лёха подставил другую щеку. И делал он это охотно, даже с удовольствием.

Тим отвернулся: на такую драку противно было смотреть. Не драка, а одно безобразие.

— Ну, чего стоишь на одной ноге? — сказал Тим. Он решил, что с Лёхи хватит, пусть снова станет таким, как был.

Лёха переступил с ноги на ногу и посмотрел вниз: чёрных пятен больше не было. Доска взлетела с земли и прилепилась к забору, дырки на штанах исчезли, бочка снова стояла у колодца, а деревянное ружьё валялось у ног.

— Паразит ты, — сказал Тим. — Вредитель.

— Ага, — ответил Лёха.

— Одни гадости людям делаешь...

— Это я люблю, — признался Свистун.

— Каких-то блох напустил...

— Я их два часа ловил, — сказал Лёха.

— И не лень?

— Интересно, — сказал Лёха.

Вспомнив про блох, Тим снова рассердился. Он стал размышлять, что бы такое придумать, чтобы Свистун на всю жизнь запомнил и закаялся делать разные пакости.

— Я буду тебе помогать, — сказал Лёха.

— Помогать? — удивился Тим.

— Ты мне только скажи, кого уничтожить, — враз сделаю. Хочешь, кошку за хвост повешу?

— Живодёр, — сказал Тим.

— У тебя есть враги?

— Враги? — Тим задумался. Враг у него только один — Лёха Свистун.

— А что ты сделаешь с моим врагом? — спросил Тим.

— Я ему посажу за пазуху осу и выпущу на него сто штук блох...

— А ещё? — спросил Тим.

— Я сделаю ему харакири, — пообещал Лёха.

— Это идея, — сказал Тим.

Лёха тут же сорвался с места и исчез.

— Для себя старается, — усмехнулся Тим.

— Можно, я тебе руку пожму? — расчувствовался Еловая Шишка.

Появился Свистун. В одной руке спичечный коробок, в другой — большая полосатая оса, схваченная за крылья. Тим на всякий случай отошёл подальше и сказал:

— Выпускай!

Лёха завертел головой, отыскивая врагов, но приказ выполнил: осу запихал себе за шиворот и раскрыл коробок. Блохи тучей набросились на него. Свистун

вьюном закрутился на месте, ойкнул — это оса вонзила в него жало, — из глаз покатились слёзы.

— Как самочувствие? — спросил Тим.

— Я больше-е не буду-у!.. — вырвалось у Свистуна. Он приплясывал и горько плакал.

Но Тиму совсем было его не жалко. Тиму захотелось ещё кого-нибудь наказать. Это, оказывается, приятно. Но рядом был лишь Еловая Шишка. Он заглядывал Тиму в глаза и умильно улыбался.

— Думаешь, я не помню, как ты мне в лесу мухомором залепил? — сказал Тим.

— У тебя потрясающая память! — воскликнул Витя.

— Прямо в глаз попал... — сказал Тим, соображая, как бы отомстить Еловой Шишке. Впрочем, к чему голову ломать? Тоже его мухомором! Огромным, как абажур...

Из земли выдупился мухомор, стал расти на глазах, вот он уже ростом чуть поменьше Тима, а ярко-красная шляпа с белыми пятками и впрямь была с абажур. Тим подошёл к гигантскому мухомору и попробовал его вытащить из земли, но гриб не поддавался. Тогда Тим позвал на помощь Лёху, который всё ещё крутился на одном месте и рыдал. Вдвоём они вырвали мухомор и подошли к Вите, который смиренно ждал их.

— Нагнись, — сказал Тим.

Еловая Шишка покорно согнулся пополам. Тим и Лёха вдвоём обрушили на остроконечную Витькину голову рыхлый, но увесистый гриб...

— Спасибо, — сказал Еловая Шишка, снимая с носа липкую белую плёнку.

19. ЖИЗНЬ НАН В ПУСТЫНЕ

После того как Тим разломал о Витькину голову огромный мухомор, он почувствовал угрызения совести. Ну ладно, Лёха Свистун заслужил то, что получил сегодня. А Еловая Шишка? Подумаешь, крошечным мухомором бросился в Тима. Причём, это было, наверное, с неделю назад.

Тим решил с Витей наладить отношения, всё-таки они считаются друзьями.

— Зря я это с мухомором... — сказал Тим. — Прости.

— Если хочешь, плюнь на меня, — сказал Еловая Шишка. — Мне будет очень приятно.

— Послушай, я серьёзно...

— Забирайся ко мне на спину — я тебя понесу, — сказал Витька и пригнулся.

— Я с тобой по-человечески...

— Да здравствует Тим! — воскликнул Витька.

Тим хотел уже было послать Еловую Шишку куда-нибудь подальше, чтобы глаза его больше не видели, но вспомнил, что тогда он останется совсем один. И он просто-напросто отвернулся от приятеля, потому что смотреть на него было противно. Был человек как человек, а стал подхалимом, каких ещё свет не видел. «Плюнь, — говорит, — на меня...» Вот до чего докатился!

Тиму стало совсем скучно. Ему не захотелось больше ни с кем встречаться. И пусть никто его за генерала или этого... фельдмаршала не принимает. И честь ему не надо отдавать. Обойдётся и без чести!

Увидев лошадь, которая тащила огромный воз с сеном, и кузнеца дядю Петю, Тим пригнулся и бросился в огород. Еловая Шишка за ним. Не хватало ещё, чтобы дядя Петя и лошадь попадали на колени, увидев его, Тима. Воробьи, которые облепили куст смороды, при виде мальчишек посыпались на землю — лапки кверху. «Кыш!» — на ходу сказал Тим, и они улетели.

Назад мальчишки возвращались огородами. Тим озирался по сторонам, ему не хотелось нарваться на кого-нибудь. Все падают или кланяются. И люди и животные. И поговорить не с кем. А что, если ещё попробовать с Витей?

— Давай по душам поговорим, — сказал Тим.

Еловая Шишка заулыбался и положил руку на сердце, — дескать, хорошо, согласен.

— О великий и мудрый... — начал было он.

— Заткнись, — сказал Тим.

Надоело ему быть великим и могущественным. Все становятся какими-то ненормальными. Да и сам Тим будто бы оглох — слышит только хвalebные речи, а больше ничего. Какую бы глупость ни сделал, Витька кричит: «Ты самый мудрый!...» Чего доброго, скоро и на самом деле поверишь в это.

Тим думал, что на задворках их никто не встретит, но не тут-то было.

Едва перелезли через чужой забор, как из дома выскочила тётя Даша. Они попали в её фруктовый сад. На яблонях висели большие и маленькие яблоки. Куда взгляд ни кинь — везде яблоки: жёлтые, розовые, красные. Проходя мимо тётя-Дашиного дома, Тим как-то по-

просил одно яблоко, но тётя Даша не дала. Она подняла с земли толстую палку и, погрозив, сказала: «Я тебе покажу такое яблоко!»

Увидев мальчиков, тётя Даша расцвела и плавно повела рукой вокруг.

— Воруйте, дорогие мои, яблоки, — сказала она. — Воруйте, не стесняйтесь...

Тим протянул было руку за яблоком, но тут увидел тётя-Дашины глаза. Они были холодные и пустые. И Тим отдернул руку. Он понял, что тётя-Дашиным ртом говорит кто-то другой. Не может она — известная скупердяйка — произнести такие слова.

Тим молча прошёл мимо. Тётя Даша, глядя ему вслед, разгибалась и сгибалась, как заводная кукла.

Наконец Тим добрался до своего дома. Спрятавшись за лопухами, он осмотрелся: бабушки во дворе не видно. Ему не хотелось сейчас с ней встречаться... Вот наступила жизнь! Кругом люди, а ты живёшь, как в пустыне. В пустыне Сахаре! Некому слова сказать. И не от кого человеческого слова услышать. Приходится прятаться от всех, вот так власть дал ему Великий Идол! Зачем такая власть?

Тим проголодался. Сколько можно валяться в лопухах? Еловую Шишку облепили комары, но он сидел тихо, как мышь, ни разу не пошевелился. А комары, напившись крови, тяжело, как бомбардировщики, отрывались от Витькиного лица и улетали на свои комариные аэродромы.

На Тима комары не садились.

Выбравшись из лопухов, он сразу наткнулся на ба-

бушку. Она подоила корову и несла подойник с молоком.

— Я есть хочу, — сказал Тим.

Бабушка, расплёскивая из подойника молоко, бросилась в дом. Вот запахнулась дверь, бабушка вытащила на лужайку обеденный стол, потом принесла табуретку, накрахмаленную скатерть, хлеб, молоко, сахарницу с конфетами. И всё бегом, бегом.

А когда стол был накрыт, бабушка низко поклонилась внуку и певуче произнесла:

— Милости прошу к нашему столу... Не обессудьте, Тимофей Иванович, чем богаты, тем и рады...

Тим, вытаращив глаза, смотрел на свою бабушку и не узнавал её. Тем не менее он присел к столу, которому совсем не место было тут, на лужайке, и взял хлеб и кружку с парным молоком, но кусок не полез в горло. Тиму было удивительно видеть родную бабушку в такой смиренной позе. А тут ещё подошёл к столу Еловая Шишка с широким лопухом и стал отгонять от Тима комаров, которые и так за метр облетали его неприкосновенную особу.

Тим поставил на место кружку, поднялся.

— Я тебе, сейчас, Тимофей Иванович, — засуетилась бабушка, — холодненькой сметанки... Иль вареньица вишнёвого?

Скрипнула калитка, а Тиму уж кажется, что это старик в белой рубахе несёт ему поднос с круглым хлебом и солонкой...

— Великий Идол! — крикнул Тим и бросился к крыльцу своего дома.

20. Я СЛИШКОМ ДОЛГО ПРОЛЕЖАЛ В ЗЕМЛЕ...

Хёлтые волны света заливают чердак. На буфете жёлто светится Великий Идол. Тихо на чердаке. Тим идёт к буфету, и белый песок не скрипит под его ногами.

— Зачем мне такая власть? — сказал Тим.

Идол смотрит поверх головы Тима и усмехается. Негромко тренькнула паутина. Кто-то попался в неё, но Тиму сейчас не до мух и не до пауков. Он ждёт, что скажет Идол, а тот молчит. Никогда бог Солнца сразу не ответит. Считает ниже своего волшебного достоинства.

— Я хочу, чтобы как всегда...

Идол молчит.

И Тиму становится страшно: а что, если он больше не скажет ни слова?

— Хочешь, слона тебе принесу в жертву? Или тигра? — сказал Тим, вспомнив, что он пока всё может.

— Я дал тебе огромную власть, — произнёс Великий Идол.

— Возьми, пожалуйста, обратно, — попросил Тим.

— Цари ползали передо мной на коленях, вымаливая силу и власть. Они убивали друг друга за право быть великими и могущественными. А ты, Маленький Человек, отказываешься от этого?

— Так это цари, — сказал Тим.

— Ты можешь быть царём...

— Что я, дурак? — сказал Тим.

— Что такое дурак? — спросил Идол.

— Это? Это... то же, что и царь...

— Обладая властью, — продолжал Идол, — ты можешь быть великим дураком...

— Отдай лучше эту власть кому-нибудь другому, — предложил Тим. — А что, если Лёхе? Нет, ему нельзя... Со свету всех сживёт. Такого натворит, что потом за сто лет не исправишь... Уж лучше Еловой Шишке... Нет, он не справится. Караул закричит, уж я-то его знаю. Учит-ся на одни тройки, плавать не умеет. И потом, жуткий подхалим... Пускай эта власть у тебя останется? Кому она нужна? Нос стыдно на улицу высунуть. Ни погово-рить, ни поиграть... Все становятся какими-то ненор-мальными... Спрячь ты эту власть подальше куда-ни-будь. В дедушкин сундук.

И опять Идол замолк. Надолго. На чердаке — мёрт-вая тишина. Даже мышь в углу не заскребётся. На окон-ном стекле примолкла большая жёлтая муха. Сидит, будто приклеенная.

— Пусть всё будет так, как раньше... — наконец вы-молвил бог Солнца. — Но сначала скажи, Маленький Че-ловек, ты был счастлив?

— Что ты!

— Я, Великий Идол, сделал тебя могущественным из смертных...

— Людям на глаза стыдно показаться, — сказал Тим.

— Сними меня, — приказал Идол.

Тим вскарабкался на буфет и снял бога Солнца.

— Положи меня в гробницу...

— В гробницу? — удивился Тим. Но потом сообра-зил, что гробница — это сундук.

Тим отодвинул в сторону тяжёлые кости ископаемых зверей и осторожно опустил в сундук Идола.

— Ну вот, — сказал Тим. — Спи.

— Я слишком долго пролежал в земле... — скрипучим голосом сказал Идол.

21. ХОЧЕШЬ В ХРАМ?

Тиму стало грустно: всё-таки он полюбил этого жёлтого человечка. И зачем он попросился в сундук? Играл бы с Тимом в какие-нибудь другие игры. Тим научил бы его... А что, если Великого Идола взять с собой в город?

— Хочешь, я тебя отнесу в большой храм? — спросил Тим. — Ты будешь там жить... вместе с другими идолами. Их там много. А я буду приходить к тебе в гости... И другие люди будут приходить. Только поклоняться тебе не будут. Этот храм называется музеем. Люди туда приходят на экскурсии. Будут смотреть на тебя.

— Шархбиртанрх... — услышал Тим глухой скрипучий голос.

— Ты по-русски, — попросил Тим.

— Шархбир...

— Плюнь ты на этот сундук, — сказал Тим. — В музее лучше...

— Рабиндрах...

Жёлтый человечек разучился говорить. Но Тим понял, что он не хочет в храм. Ему хорошо и в сундуке. В старом дедушкином сундуке. Он будет лежать там среди серых костей и вспоминать свою далёкую страну

Арландию, где цари убивали друг друга за право владеть над людьми...

Тиму захотелось сделать что-нибудь приятное Идолу. Он вспомнил, бабушка рассказывала, что раньше богам в церквях ставили свечи... Кажется, у бабушки в кухонном столе лежит одна. Большая, белая. Она её зажигает, когда электричество выключают.

— Я тебе свечку поставлю, — сказал Тим. — Хочешь?

Долго ждал Тим, но Идол ничего не ответил. Он перестал разговаривать и на птичьем языке. Он снова стал немым.

22. ЗАМОК НА СУНДУКЕ

Когда Идол оказался в сундуке, солнечный свет померк на чердаке. Маленький жёлтый лучик ещё некоторое время выбивался из сундука, но потом и он погас. Стало сумрачно и тревожно. Какой-то глухой шум носился над головой. Тим посмотрел на окно. Оно всё залеплено дождевыми каплями. За его спиной раздался стук. Тим оглянулся: замок снова висел на сундуке, который сам по себе захлопнулся. Тим дернул замок — он даже не пошевелился. Холодный, ржавый замок, его и топором не собьёшь.

Когда Тим увидел замок на сундуке, он почувствовал себя снова легко и свободно. Исчезла непонятная тяжесть, которая давила на плечи. У Тима всё время было такое ощущение, будто он весь день таскал на себе тяжёлое бревно и вот наконец его сбросил.

И тишины как не бывало. Глухой шум над головой—

это дождь, который барабанит по крыше. Со стекла сорвалась муха, она теперь снова была синяя, и с лёту угодила в паутину. Из тёмной щели выскочил паук и набросился на бедную муху, которой предстояло второй раз быть высосанной. И паук и муха были самые обыкновенные. И паутина больше не напоминала рыболовную сеть. Песок под ногами снова был жёлтый, а на верёвке висел вывернутый наизнанку полубубок.

Где-то далеко за лесом прогрохотал гром. Гроза кончается. Слышно, как дождевые струи срываются с крыши вниз. Трещат и хлопают зелёными ушами под брызгами широкие лопухи. Тиму захотелось поскорее покинуть сумрачный чердак и выскочить на улицу, где сейчас полно тёплых пенистых луж. Хорошо промчаться по ним, так чтобы брызги по сторонам!

Закудахтали в сенях курицы. Они всегда в дождь забираются в сени. Зашелестели бабушкины шаги. Мимо дома прогрохотала порожняя телега.

— Опять куда-то запропастился этот негодный мальчишка! — услышал Тим бабушкин голос.

23. И СНОВА СОЛНЦЕ

Тим вышел на крыльцо и зажмурился: с тёмного чердака — да сразу на улицу. Туча прошла, и дождь умолк. Редкие капли ещё срывались с крыши и шлёпались на землю. Бочка была наполнена дождевой водой до самых краёв. В бочке плавал красный кленовый лист. Выглянул из-за облаков солнечный луч. Он осветил мокрую землю, потемневшие доски за-

бора. Из-за соседнего дома прилетела воробьиная стая и опустилась на куст крыжовника. Воробьи стали азартно склёвывать каких-то зелёных букашек. На неотёсанное и ещё влажное от дождя бревно вскочила кошка.

Тим улыбнулся и сказал:

— Кыш!

Никто даже внимания на него не обратил. Лишь кошка открыла один жёлтый глаз и тут же снова закрыла.

— Сколько тебя ждать можно? — услышал Тим

сердитый голос. Из-под колодезного навеса вылез Еловая Шишка. Рубаха его во многих местах промокла, красные волосы топорщились во все стороны. А где же жёлтый пластырь, которым был заклеен его укушенный лисёнком нос?

Пластыря на Витькином носу не было. Не дождь ведь его смыл?

— Ну, как твой нос? — спросил Тим.

Еловая Шишка вытаращил глаза и машинально потрогал свой нос.

— Нос? — спросил он.

— Уже зажил?

— При чём тут нос? — сказал Витька.

— Чего тебе? — спросил Тим. Он решил, что Еловая Шишка притворяется.

— Пойдём Свистуна бить, — сказал Еловая Шишка.

Теперь Тим глаза вытаращил: Лёха, наверное, до сих пор чешется и горячими слезами обливается. Так и надо. Тим вспомнил про ружьё и рассмеялся:

— Как он бабахнул в бочку из ружья!

— Из какого ружья? — удивился Витя.

— А помнишь, как я на быке...

— Какой бык?

Тим наконец сообразил, что Еловая Шишка ничего не помнит, а то бы сейчас сквозь землю со стыда провалился. Только и делал, что поддакивал да в рот заглядывал. И глупости разные говорил, подхалим несчастный! Хорошо ещё, что Тим всерьёз это не принимал...

Всё-таки Тим ещё раз его спросил:

— А кто из нас самый умный?

— Конечно, я, — не задумываясь, ответил Еловая Шишка.

— А кто самый сильный?

Еловая Шишка напрягся, выпятил живот.

— Бей кулаком, — сказал он. — Пресс, что железо... Бей!

Тим не стал бить. Обыкновенный пресс у Витьки, хоть он каждое утро сгибается и разгибается по двадцать раз. У него, у Тима, пресс ничуть не хуже. Пожалуй, хорошо, что Витька ничего не помнит, а то с ним после того, что было, и дружить противно.

Это здорово, что Еловая Шишка стал нормальным человеком. С ним можно разговаривать, не то что тогда...

— Так пойдём Лёху бить или не пойдём? — снова спросил Витя.

— Ты же не хотел...

— Надо проучить его, — сказал Еловая Шишка.

— Не струсил?

Витя пошевелил плечами, фыркнул и ответил:

— Я ему первый дам в ухо...

24. ПРОЩАЙ, ДЕРЕВНЯ!

Тим сидит на подоконнике, а бабушка складывает в чемодан его вещи. Из города пришла телеграмма: папа и мама ждут Тима. Через час отходит поезд.

Листья с клёна почти все облетели. Остались только на самой макушке. Штук пятнадцать, не больше. На голый ветке сидит синица и смотрит на Тима. Синица здесь

останется, ей в городе делать нечего. Пёс-блохоносец Тобик остановился у калитки, шлёпнулся на тропинку и, задрав лапу, стал с ожесточением блох гонять. Не всех переловил Свистун, ещё, видно, много осталось.

Тиму очень хорошо жилось в деревне, и, хотя он скучал по родителям, грустно было уезжать отсюда. Тим уже попрощался с Витей — Еловой Шишкой. Сегодня утром пришёл к нему и Лёха Свистун. После того как ребята наломали ему бока, он перестал к ним приставать. А Витька молодец! Как и обещал, первый налетел на Свистуна. Конечно, Лёха с ним свободно бы справился, но тут в дело вступил Тим. Пришлось Свистуну пощады просить. Хотели ребята заставить его землю есть, но потом раздумали... И так хватит с него.

Так вот, утром появился Свистун. Серьёзный такой, в чистой рубаше, волосы причёсаны.

— В город? — спросил он.

— Ага, — ответил Тим.

— Думаешь, в городе мало дураков?

— Не считал, — ответил Тим.

— Разве сосчитаешь... — сказал Лёха. Достал из кармана спичечный коробок, протянул Тиму. Тот спрятав руки за спину. Хватит этих спичечных коробков, чего только из них не выскакивало: и блохи, и осы, и муравьи...

— Бери, бери, — сказал Свистун.

И Тим взял. Будь что будет. Не взорвётся ведь в кармане?

— Откроешь в поезде, — предупредил Лёха. Пожал руку и степенно удалился. Когда он скрылся за углом, Тим не утерпел и приоткрыл коробок: там смирно сидел

великолепный жук-носорог. Тим всё лето мечтал поймать такого для школьного зоокабинета...

Ещё утром Тим хотел навеститься к Идолу. Попрошаться. Но бабушка не спускала с Тима глаз. И строго-настрого запретила забираться на чердак.

Тим смотрит на часы: до прибытия поезда сорок пять минут. Станция близко. Можно за десять минут дойти. Но бабушка всегда боится опоздать и за полчаса раньше выходит. Тим посмотрел на бабушку. Она укладывала в плетёную корзинку куриные яйца. А чтобы не разбились, каждое заворачивала в бумажку.

Тим тихонько встаёт и идёт к двери. Бабушка поднимает голову.

— Скоро на станцию, — говорит она.

— Я сейчас, — говорит Тим и выходит в сени.

По шаткой лестнице забирается на чердак. Сумрачно здесь и прохладно. Под самую крышу возвышается старый, изъеденный жучком буфет. Это на нём стоял Великий Идол. Из круглого окошка падает свет на сундук. На выпуклой крышке непонятные знаки. А под крышкой спит жёлтый человечек. И огромный замок охраняет его сон. Когда теперь он снова пробудится, бог Солнца?

Тим прикладывает ухо к сундуку, но ничего не слышит. Замолчал Идол. Неужели навсегда? Хорошо бы с ним сейчас поговорить. И зря он отказался с Тимом в город ехать. Жил бы в музее. За идолами там ухаживают, пыль с них стирают и всё такое. Тим тоже приходил бы в музей и разговаривал со своим Идолом... Он бы у него больше ничего не просил. В городе есть и яблоки и груши. В городе всё есть. Даже Великие Идолы. Ко-

нечно, Тим может в любое время прийти в музей и смотреть на идолов сколько захочет, но ему хочется смотреть на этого Идола, на своего...

Тим гладит рукой крышку старого сундука. Крышка тоже прохладная.

— Я приеду, — говорит Тим. — Летом. Это хорошо, что каждый год бывает снова лето...

Сундук молчит.

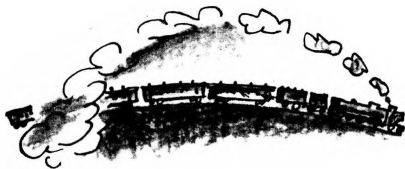
В чердачное окно видна дорога. Большое белое облако, похожее на перевёрнутую черепаху, выползло из-за леса. Издалека донёсся протяжный паровозный гудок.

В сенях скрипнула дверь, и бабушка сказала:

— Вот наказание... Опять на чердаке?!

Тим ещё раз погладил крышку сундука, подержался за тяжёлый замок. Потом выпрямился и увидел в чердачное окошко, как над лесом клубится облако. Это паровозный дым.

— До свидания, — сказал Тим и, вздохнув, спустился вниз.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
1. Шутки Лёхи Свистунова	5
2. Еловая Шишка — мирный человек	9
3. Бабушка и внук	11
4. Шорохи и тени	13
5. Старый дедушкин сундук	15
6. Жёлтый человечек	19
7. Я — Великий Идол	21
8. Хочу грушу!	25
9. Могущество и падение Жёлтого Идола	27
10. Блины с берёзовой кашей	31
11. Я завоюю весь мир!	32
12. Когда бабушка была девчонкой...	36
13. Чаша терпения переполнилась	37
14. Сойдёт и курица...	42
15. «Ступай и властвуй!»	44
16. Самый могущественный человек	47
17. Герой на быке	51
18. Месть	56
19. Жизнь как в пустыне	63
20. Я слишком долго пролежал в земле...	68
21. Хочешь в храм?	70
22. Замок на сундуке	71
23. И снова солнце	72
24. Прощай, деревня!	75

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

*Укажите свой точный адрес и возраст.
Пишите по адресу: Ленинград, Д.167,
наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».*

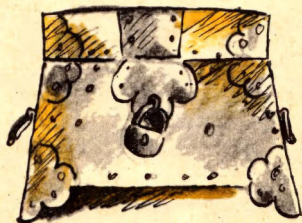
**для старшего дошкольного и
младшего школьного возраста**

Нозлов Вильям Фёдорович

ИДОЛ ИЗ СТАРОГО СУНДУКА

Ответственный редактор *Н. Л. Страшкова*.
Консультант по художественному оформлению *В. А. Илосов*.
Технический редактор *Т. С. Филиппова*.
Корректоры *Л. К. Малахова* и *К. Д. Никольский*.

Подписано к набору 20/XII 1965 г. Подписано к печати 2/VIII 1966 г. Формат 70×90^{1/4}. Бум. № 1. Печ. л. 5. Усл. печ. л. 5,85. Уч.-изд. л. 3,47. Тираж 150 000 экз. ТП 1966 № 219. Ленинградское отделение издательства «Детская литература». Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-й Советский, 7. Заказ № 721. Цена 26 коп.

26 коп

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“